

Библиотека Всемирной Литературы

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Петербург. Стихотворения

Андрей Белый

Стихотворения

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174706
Петербург. Стихотворения: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-31063-0

Содержание

Золото в лазури	6
Бальмонту	6
Золотое руно	10
Солнце	14
Закаты	15
За солнцем	19
Вечный зов	20
Гроза на закате	24
Три стихотворения	25
Путь к невозможному	29
Не тот	30
Во храме	38
Старец	39
Образ Вечности	41
Усмиренный	43
Последнее свидание	44
Таинство	45
Вестники	46
В полях	48
Священный рыцарь	50
Душа мира	51
Прежде и теперь	53
Опала	53

Объяснение в любви	56
Менуэт	58
Прощание	60
Полунощницы	62
Променад	66
Ссора	68
Заброшенный дом	70
Сельская картина	72
Воспоминание	76
Отставной военный	78
Незнакомый друг	81
Весна	84
Из окна	86
Свидание	88
Кошмар среди бела дня	90
На окраине города	92
Образы	93
Великан	93
Не страшно	100
Поединок	102
Битва	105
Пригвожденный ужас	106
На горах	108
Вечность	110
Маг	111
Кентавр	112

Андрей Белый

Стихотворения

Посвящаю эту книгу дорогой матери

Золото в лазури

Бальмонту

1

В золотистой дали
облака, как рубины, —
облака, как рубины, прошли,
как тяжелые, красные льдины.

Но зеркальную гладь
пелена из туманов закрыла,
и душа неземную печать
тех огней – сохранила.

И, закрытые тьмой,

горизонтов сомкнулись объятья.
Ты сказал: «Океан голубой
еще с нами, о братья!»

Не бояся луны,
прожигавшей туманные сети,
улыбались – священной весны
все задумчиво грустные дети.

Древний хаос, как встарь,
в душу крался смятением неясным.
И луна, как фонарь,
озаряла нас отсветом красным.

Но ты руку воздел к небесам
и тонул в ликовании мира.
И заластился к нам
голубеющий бархат эфира.

Апрель 1903

Москва

2

Огонечки небесных свечей
снова борются с горестным мраком.
И ручей

чуть сверкает серебряным знаком.

О поэт – говори
о неслышном полете столетий.
Голубые восторги твои
ловят дети.

Говори о безумье миров,
завертевшихся в танцах,
о смеющейся грусти веков,
о пьянящих багрянцах.

Говори
о полете столетий.
Голубые восторги твои
чутко слышат притихшие дети.

Говори...

Май 1903

Москва

3

Поэт, – ты не понят людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:

с тобой бирюзовая Вечность.

С тобой, над тобою она,
ласкает, целует беззвучно.
Омыта лазурью, весна
над ухом звенит однозвучно.
С тобой, над тобою она.
Ласкает, целует беззвучно.

Хоть те же всё люди кругом,
ты – вечный, свободный, могучий.
О, смейся и плачь: в голубом,
как бисер, рассыпаны тучи.

Закат догорел полосой,
огонь там для сердца не нужен:
там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.
Там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.

1903

Москва

Золотое руно

Посвящено Э.К. Метнеру

1

Золотея, эфир просветится
и в восторге сгорит.
А над морем садится
ускользающий, солнечный щит.

И на море от солнца
золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
среди всплесков тоски.

Встали груди утесов
среди трепещущей, солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
полон крик альбатросов:

«Дети солнца, вновь холод бесстрастья!
Закатилось оно —
золотое, старинное счастье —
золотое руно!»

Нет сиянья червонца.
Меркнут светочи дня.
Но везде вместо солнца
ослепительный пурпур огня.

Апрель 1903

Москва

2

Пожаром склон неба объят...
И вот аргонавты нам в рог отлетаний
трубят...
Внимайте, внимайте...
Довольно страданий!
Броню надевайте
из солнечной ткани!

Зовет за собою
старик аргонавт,
взывает
трубой
золотою:
«За солнцем, за солнцем, свободу любя,
умчимся в эфир
голубой!...»

Старик аргонавт призывает на солнечный пир,
трубя
в золотеющий мир.

Все небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Все небо в рубинах
над нами.
На горных вершинах
наш Арго,
наш Арго,
готовясь лететь, золотыми крылами
забил.

Земля отлегает...
Вино
мировое
пылает
пожаром
опять:
то огненным шаром
блистать
выплывает
руно
золотое,
искрясь.

И, блеском объятый,

светило дневное,
что факелом вновь зажжено,
несясь,
настигает
наш Аргон крылатый.

Опять настигает
свое золотое
руно...

Октябрь 1903

Москва

Солнце

Автору «Будем как Солнце»

Солнцем сердце зажжено.
Солнце – к вечному стремительность.
Солнце – вечное окно
в золотую ослепительность.

Роза в золоте кудрей.
Роза нежно колыхается.
В розах золото лучей
красным жаром разливается.

В сердце бедном много зла
сожжено и перемолото.
Наши души – зеркала,
отражающие золото.

1903

Серебряный Колодезь

Закаты

1

Даль – без конца. Качается лениво,
шумит овес.

И сердце ждет опять нетерпеливо
все тех же грез.

В печали бледной, виннозолотистой,
закрывшись тучей
и окаймив дутой ее огнистой,
сребристо жгучей,
садится солнце красно-золотое...

И вновь летит
вдоль желтых нив волнение святое,
овсом шумит:

«Душа, смирись: средь пира золотого
скончался день.

И на полях гуманного былого
ложится тень.

Уставший мир в покое засыпает,
и впереди
весны давно никто не ожидает.

И ты не жди.
Нет ничего... И ничего не будет...

И ты умрешь...

Исчезнет мир, и Бог его забудет.

Чего ж ты ждешь?»

В дали зеркальной, огненно-лучистой,

закрывшись тучей

и окаймив дугой ее огнистой,

пунцово-жгучей,

огромный шар, склонясь, горит над нивой

багрянцем роз.

Ложится тень. Качается лениво,

шумит овес.

Июль 1902

Серебряный Колодезь

2

Я шел домой согбенный и усталый,
главу склонив.

Я различал далекий, запоздалый
родной призыв.

Звучало мне: «Пройдет твоя кручина,
умчится сном».

Я вдаль смотрел – тянулась паутина
на голубом

из золотых и лучезарных ниток...

Звучало мне:

«И времена свиваются, как свиток...

И всё – во сне...

Для чистых слез, для радости духовной,
для бытия,
мой падший сын, мой сын единокровный,
зову тебя...»

Так я стоял счастливый, безответный.

Из пыльных туч
над далью нив вознесся златосветный
янтарный луч.

Июнь 1902

Серебряный Колодезь

3

Шатаясь, склоняется колос.
Прохладой вечерней пахнёт.
Вдали замирающий голос
в безвременье грустно зовет.

Зовет он тревожно, невнятно
туда, где воздушный чертог,
а тучек скользящие пятна
над нивой плывут на восток.

Закат полосой багряной

бледнеет в дали за горой.
Шумит в лучезарности пьяной
вкруг нас океан золотой.

И мир, догорая, пирует,
и мир славословит Отца,
а ветер ласкает, целует.
Целует меня без конца.

Март 1902

Москва

За солнцем

Пожаром закат златомирный пылает,
лучистой воздушностью мир пронизав,
над нивою мирной кресты зажигает
и дальние абрисы глав.

Порывом свободным воздушные ткани
в пространствах лазурных влачась, шумят,
обвив нас холодным атласом лобзаний,
с востока на запад летят.

Горячее солнце – кольцо золотое —
твой контур, вонзившийся в тучу, погас.
Горячее солнце – кольцо золотое —
ушло в неизвестность от нас.

Летим к горизонту: там занавес красный
сквозит беззакатностью вечного дня.
Скорей к горизонту! Там занавес красный
весь соткан из грез и огня.

Вечный зов

Д.С. Мережковскому

1

Пронизала вершины дерев
желто-бархатным светом заря.
И звучит этот вечный напев:
«Объявись – зацелую тебя...»

Старина, в пламенеющий час
обуявшая нас мировым, —
старина, окружившая нас,
водопадом летит голубым.

И веков струевой водопад,
вечно грустной спадая волной,
не замостит к былому возврат,
навсегда засквозив стариной.

Песнь всё ту же поет старина,
душит тем же восторгом нас мир.
Точно выплеснут кубок вина,
напоившего вечным эфир.

Обращенный лицом к старине,
я склонился с мольбою за всех.
Страстно тянутся ветви ко мне
золотых, лучезарных деревьев.

И сквозь вихрь непрерывных веков
что-то снова коснулось меня, —
тот же грустно задумчивый зов:
«Объявись – зацелую тебя...»

2

Проповедуя скорый конец,
я предстал, словно новый Христос,
возложивши терновый венец,
разукрашенный пламенем роз.

В небе гас золотистый пожар.
Я смеялся фонарным огням.
Запрудив вокруг меня тротуар,
удивленно внимали речам.

Хохотали они надо мной,
над безумно-смешным лжехристом.
Капля крови огнистой слезой

застывала, дрожа над челом.

Гром пролетов и крики, и стук,
ход бесшумный резиновых шин...
Липкой грязью окаченный вдруг,
побледневший утих арлекин.

Яркогазовым залит лучом,
я поник, зарыдав как дитя.
Потащили в смиренный дом,
погоняя пинками меня.

3

Я сижу под окном.
Прижимаюсь к решетке, молясь.
В голубом
всё застыло, искрясь.

И звучит из дали:
«Я так близко от вас,
мои бедные дети земли,
в золотой, янтареющий час...»

И под тусклым окном
за решеткой тюрьмы

ей машу колпаком:

«Скоро, скоро увидимся мы...»

С лучезарных крестов

нити золота тешат меня...

Тот же грустно задумчивый зов:

«Объявись – зацелую тебя...»

Полный радостных мук,

утихает дурак.

Тихо падает на пол из рук

сумасшедший колпак.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Гроза на закате

Вижу на западе волны я
облачно-грозных твердынь.
Вижу – мгновенная молния
блещет над далью пустынь.
Грохот небесного молота.
Что-то, крича, унеслось.
Море вечернего золота
в небе опять разлилось.
Плачу и жду несказанного,
плачу в порывах безмирных.
Образ колосса туманного
блещет в зарницах сапфирных.
Держит лампаду пурпурную
Машет венцом он зубчатым.
Ветер одежду лазурную
рвет очертаньем крылатым.
Молнии рубинно-сапфирные.
Грохот тяжелого молота.
Волны лазури эфирные.
Море вечернего золота.

Июнь, 1903

Серебряный Колодезь

Три стихотворения

1

Всё тот же раскинулся свод
над нами лазурно-безмирный,
и тот же на сердце растёт
восторг одиночества пирный.

Опять золотое вино
на склоне небес потухает.
И грудь мою слово одно
знакомою грустью сжимает.

Опять заражаюсь мечтой,
печалью восторженно-пьяной...
Вдали горизонт золотой
подернулся дымкой багряной.

Смеюсь – и мой смех серебрист,
и плачу сквозь смех поневоле.
Зачем этот воздух лучист?
Зачем светозарен... до боли?

Апрель 1902

Москва

2

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда.

Не веришь, что ясен так день,
что прежнее счастье возможно.
С востока приблизилась тень
тревожно.

Венок возложил я, любя,
из роз – и он вспыхнул огнями.
И вот я смотрю на тебя,
смотрю, зачарованный снами.

И мнится – я этой мечтой
всю бездну восторга измеряю.
Ты скажешь – восторг тот святой...
Не верю!

Поет облетающий лес

нам голосом старого барда.
На склоне воздушных небес
сожженная шкура гепарда.

Апрель 1902

Москва

3

Звон вечерний гудит, уносясь
в вышину. Я молчу, я доволен.
Светозарные волны, искрясь,
зажигают кресты колоколен.

В тучу прячется солнечный диск
Ярко блещет чуть видный остаток.
Над сверкнувшим крестом дружный визг
белогрудых счастливых касаток.

Пусть туманна огнистая даль —
посмотри, как все чисто над нами.
Пронизал голубую эмаль
огневеющий пурпур снопами.

О, что значат печали мои!
В чистом небе так ясно, так ясно...
Белоснежный кусок кисеи

загорелся мечтой виннокрасной.

Там касатки кричат, уносясь.

Ах, полет их свободен и волен...

Светозарные волны, искрясь,

озаряют кресты колоколен.

1902

Путь к невозможному

Мы былое окинули взглядом,
но его не вернуть.
И мучительным ядом
сожаленья отравлена грудь.
Не вздыхай... Позабудь...
Мы летим к невозможному рядом.
Наш серебряный путь
зашумел временным водопадом.
Ах, и зло, и добро
утонуло в прохладе манящей!
Серебро, серебро
омывает струей нас звенящей.
Это – к Вечности мы
устремились желанной.
Засиял после тьмы
ярче свет первозданный.
Глуше вопли зимы.
Дальше хаос туманный...
Это к Вечности мы
полетели желанной.

Не тот

В.Я. Брюсову

I

Сомненье, как луна, взошло опять,
и помысл злой
стоит, как тать, —
осенней мглой.
Над тополем, и в небе, и в воде
горит кровавый рог.
О, где Ты, где,
великий Бог!..

Откройся нам, священное дитя...
О, долго ль ждать,
шутить, грустя,
и умирать?

Над тополем погас кровавый рог.
В тумане Назарет.
Великий Бог!..
Ответа нет.

II

Восседает меж белых камней
на лугу с лучезарностью кроткой
незнакомец с лазурью очей,
с золотою бородкой.

Мглой задернут восток...
Дальний крик пролетающих галок...
И плетет себе белый венок
из душистых фиалок.

На лице его тени легли.
Он поет – его голос так звонок.
Поклонился ему до земли.
Стал он гладить меня, как ребенок.

Горбуны из пещеры пришли,
повинуясь закону.
Горбуны поднесли
золотую корону.

«Засиял ты, как встарь...
Мое сердце тебя не забудет.
В твоём взоре, о царь,
все, что было, что есть и что будет.

И береза, вершиной скользя
в глубь тумана, ликует...
Кто-то, Вечный, тебя
зацелует!»

Но в туман удаляться он стал.
К людям шел разгонять сон их жалкий.
И сказал,
прижимая, как скипетр, фиалки:

«Побеждаеши сим!»
Развевалась его багряница.
Закружилась над ним,
глухо каркая, черная птица.

III

Он – букет белых роз.
Чаша он мировинного зелья.
Он, как новый Христос,
просиявший учитель веселья.

И любя, и грустя,
всех дарит лучезарностью кроткой.
Вот стоит, как дитя,
с золотисто-янтарной бородкой.

«О, народы мои,
приходите, идите ко мне.
Песнь о новой любви
я расслышал так ясно во сне.

Приходите ко мне.
Мы воздвигнем наш храм.
Я грядущей весне
свое жаркое сердце отдам.

Приношу в этот час,
как вечернюю жертву, себя...
Я погибну за вас,
беззаветно смеясь и любя...
Ах, лазурью очей
я омою вас всех.
Белизною моей
успокою ваш огненный грех»...

IV

И он на троне золотом,
весь просиявший, восседая,
волшебнo-пламенным вином
нас всех безумно опьяняя,

ускорил ужас роковой.
И хаос встал, давно забытый.
И голос бури мировой
для всех раздался вдруг, сердитый.

И на щеках заледенел
вдруг поцелуй желанных губок.
И с тяжким звоном полетел
его вина червонный кубок.

И тени грозные легли
от стран далекого Востока.
Мы все увидели вдали
седобородого пророка.

Пророк с волнением грозным
сказал: «Антихрист объявился»...
И хаос бредом роковым
вкруг нас опять зашевелился.

И с трона грустный царь сошел,
в тот час повитый тучей злою.
Корону сняв, во тьму пошел
от нас с опущенной главою.

V

Ах, запахнувшись в цветные тоги,
восторг пьянящий из кубка пили.
Мы восхищались, и жизнь, как боги,
познанием новым озолотили.

Венки засохли, и тоги сняты,
дрожащий светоч едва светится.
Бежим куда-то, тоской объаты,
и мрак окрестный бедой грозитя.

И кто-то плачет, охвачен дрожью,
охвачен страхом слепым: «Ужели
все оказалось безумством, ложью,
что нас манило к высокой цели?»

Приют роскошный – волшебств обитель,
где восхищались мы знанием новым, —
спалил нежданно разящий мститель
в час полуночи мечом багровым.

И вот бежим мы, бежим, как тати,
во тьме крошечной, куда – не знаем,
тихонько ропщем, перечисляем
недостающих отсталых братий.

VI

О, мой царь!
Ты запуган и жалок.
Ты, как встарь,
притаился средь белых фиалок.

На закате блеск вечной свечи,
красный отсвет страданий —
золотистой парчи
пламезарные ткани.

Ты взываешь, грустя,
как болотная птица...
О, дитя,
вся в лохмотьях твоя багряница.

Затуманены сном
наплывающей ночи
на лице снеговом
голубые безумные очи.

О, мой царь,
о, бесцарственно-жалкий,
ты, как встарь,

на лугу собираешь фиалки.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Во храме

Толпа, войдя во храм, задумчивей и строже...
Лампад пунцовых блеск и тихий возглас:
«Боже...»

И снова я молюсь, сомненьями томим.
Угодники со стен грозят перстом сухим,

лицо суровое чернеет из киота
да потемневшая с веками позолота.

Забил поток лучей расплавленных в окно...
Всё просветилось вдруг, всё солнцем зажжено:

и «Свете тихий» с клиросов воззвали,
и лики золотом пунцовым заблистали.

Восторгом солнечным зажженный иерей,
повитый ладаном, выходит из дверей.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Старец

Исчезает долин
беспокойная тень,
и средь дымных вершин
разгорается день.
Бесконечно могуч
дивный старец стоит
на востоке средь туч
и призывно кричит:

«Друг, ко мне! Мы пойдем
в бесконечную даль.
Там развеется сном
и болезнь, и печаль»...

Его риза в огне...
И, как снег, седина.
И над ним в вышине
голубая весна.

И слова его – гром,
потрясающий мир
неразгаданным сном...
Он стоит, как кумир,

как весенний пророк,

осиянный мечтой.
И кадит на восток,
на восток золотой.

И все ярче рассвет
золотого огня.
И все ближе привет
беззакатного дня.

Сентябрь 1900

Образ Вечности

Бетховену

Образ возлюбленной – Вечности —
встретил меня на горах.
Сердце в безопасности.
Гул, прозвучавший в веках.
В жизни загубленной
образ возлюбленной,
образ возлюбленной – Вечности,
с ясной улыбкой на милых устах.

Там стоит,
там манит рукой...
И летит
мир предо мной —
вихрь крутит
серых облак рой.

Полосы солнечных струй златотканые
в облачной стае горят...
Чьи-то призывы желанные,
чей-то задумчивый взгляд.

Я стар – сребрится
мой ус и темя,

но радость снится.
Река, что время:
летит – кружится...

Мой челн сквозь время,
сквозь мир помчится.

И умчусь сквозь века в лучесветную даль...
И в очах старика
не увидишь печаль.

Жизни не жаль
мне загубленной.
Сердце полно несказанной беспечности —
образ возлюбленной,
образ возлюбленной —
– Вечности!..

Апрель 1903

Усмирeнный

Молчит усмирeнный, стоящий над кручей отвесной,
любовно охваченный старым пьянящим эфиром,
в венке серебристом и в мантии бледнонебесной,
простерший свои онемевшие руки над миром.

Когда-то у ног его вечные бури хлестали.
Но тихое время смирило вселенские бури.
Промчались столетья. Яснеют безбурные дали.
Крылатое время блаженно утонет в лазури.

Задумчивый мир напоило немеркнувшим светом
великое солнце в печали янтарно-закатной.
Мечтой лебединой, прощальным вечерним приветом
сидит, умирая, с улыбкой своей невозвратной.

Вселенная гаснет... Лицо приложив восковое
к холодным ногам, обнимая руками колени...
Во взоре потухшем волненье безумно-немое,
какая-то грусть мировых, окрыленных молений.

Последнее свидание

Она улыбнулась, а иглы мучительных терний
ей голову сжали горячим, колючим венцом —
сквозь боль улыбнулась, в эфир отлетая вечерний...
Сидит – улыбнулась бескровно-туманным лицом.

Вдали – бирюзовость... А ветер тоскующий гонит
листы потускневшие в медленно гаснущий час.
Жених побледнел. В фиолетовом трауре тонет,
с невесты не сводит осенних, задумчивых глаз.

Над ними струятся пространства, лазурны и чисты.
Тихонько ей шепчет: «Моя дорогая, усни...
Закатится время. Промчатся, как лист золотистый,
последние в мире, безвременьем смытые дни».
Склонился – и в воздухе ясном звучат поцелуи.
Она улыбнулась, закрыла глаза, чуть дыша.
Над ними лазурней сверкнули последние струи,
над ними помчались последние листья, шурша.

1903

Серебряный Колодезь

Таинство

Мне слышались обрывки слов святых.
Пылала кровь в сосудах золотых.
Возликовав, согбенный старый жрец
пред жертвой снял сверкающий венец.

Кадиланицей взмахнул, и фимиам
дыханьем голубым наполнил храм.
Молельщикам раздал венки из роз.
Пал ниц и проливал потоки слез.

Прощальным сном, нетленною мечтой
погас огонь небесно-золотой.
В цветных лампадах засиял чертог.
Заговорил у жертвенника рог.
Возликовав, согбенный старый жрец
из чаш пролил сверкающий багрец.
Средь пряных трав, средь нежных чайных роз
пал ниц и проливал потоки слез.

1901

Вестники

В безысходности нив
онемелый овес
дремлет, колос склонив,
среди несбыточных грез...

Тишину возмутив,
весть безумно пронес
золотой перелив,
что идет к нам Христос.

Закивал, возопив,
исступленный овес.

Тихий звон. Сельский храм
полон ропота, слез.
Не внимая мольбам
голос, полный угроз,
все твердит: «Горе вам!»

Кто-то свечи принес
и сказал беднякам:

«Вот Спаситель-Христос
приближается к нам»...
Среди вздохов и слез

потянулись к дверям.

1903

В полях

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
над червонной рекой.

От воздушного пьянства
онемела земля.
Золотые пространства,
золотые поля.

Озаренный лучом, я
спускаюсь в овраг.
Чернопыльные комья
замедляют мой шаг.

От всего золотого
к ручейку убегу —
холод ветра ночного
на зеленом лугу.

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
убежал на покой.

Убежал в неизвестность.

Над полями легла,
заливая окрестность,
бледно-синяя мгла.

Жизнь в безвременье мчится
пересохшим ключом:
все земное нам снится
утомительным сном.

1904

Священный рыцарь

Посвящается «бедным рыцарям»

Я нарезал алмазным мечом
себе полосы солнечных бликов.
Я броню из них сделал потом
и восстал среди криков.

Да избавит Царица меня
от руки палачей!
Золотая кольчуга моя
из горячих, воздушных лучей.

Белых тучек нарвал средь лазури,
приковал к мирозлатному шлему.
Пели ясные бури
из пространств дорогую поэму.

Вызывал я на бой
ослепленных заразой неверья.
Холодеющий вихрь, золотой,
затрепал мои белые перья.

1903

Душа мира

Вечной
тучкой несется,
улыбкой
беспечной,
улыбкой зыбкой
смеется.
Грядой серебристой
летит над водою —
— лучисто —
волнистой
грядою.

Чистая,
словно мир,
вся лучистая —
золотая заря,
мировая душа.
За тобою бежишь,
весь
горя,
как на пир,
как на пир
спеша.
Травой шелестишь:
«Я здесь,

где цветы...

Мир

вам...»

И бежишь,

как на пир,

но ты —

Там...

Пронесясь

ветерком,

ты зелень чуть тронешь,

ты пахнёшь

холодком

и смеясь

вмиг

в лазури утонешь,

улетишь на крыльях стрекозовых.

С гвоздик

малиновых,

с бледно-розовых

кашек —

ты рубиновых

гонишь

букашек.

1902

Прежде и теперь

Опала

Посвящается А.А. Блоку

Блестящие ходят персоны,
повсюду фаянс и фарфор,
расписаны нежно плафоны,
музыка приветствует с хор.

А в окнах для взора угодный,
прилежно разбитый цветник.
В своем кабинете дородный
и статный сидит временщик.

В расшитом камзоле, при шпаге,
в андреевском ордене он.
Придворный, принесший бумаги,
отвесил глубокий поклон, —

Приветливый, ясный, речистый,
отдавшийся важным делам.
Сановник платочек душистый
кусает, прижавши к устам.

Докладам внимает он мудро,
Вдруг перстнем ударил о стол.
И с буклей посыпалась пудра
на золотом шитый камзол.

«Для вас, государь мой, не тайна,
что можете вы пострадать:
и вот я прошу чрезвычайно
сию неисправность изъять...»
Лицо утонуло средь кружев.
Кричит, раскрасневшись: «Ну что ж!..
Татищев, Шувалов, Бестужев —
у нас есть немало вельмож —

Коль вы не исправны, законы
блюсти я доверю другим...
Повсюду, повсюду препоны
моим начинаньям благим!...»

И, гневно поднявшись, отваги
исполненный, быстро исчез.
Блеснул его перстень и шпаги
украшенный пышно эфес.

Идет побледневший придворный...
Напудренный щеголь в лорнет
глядит — любопытный, притворный:
«Что с вами? Лица на вас нет...

В опале?.. Назначен Бестужев?»
Главу опустил – и молчит.
Вкруг море камзолов и кружев,
волнуясь, докучно шумит.

Блестящие ходят персоны,
музыка приветствует с хор,
окраскою нежной плафоны
ласкают пресыщенный взор.

Апрель 1903

Москва

Объяснение в любви

Посвящается дорогой матери

Сияет роса на листочках.
И солнце над прудом горит.
Красавица с мушкой на щечках,
как пышная роза, сидит.
Любезная сердцу картина!
Вся в белых, сквозных кружевах,
мечтает под звук клавесина...
Горит в золотистых лучах

под вешнюю лаской фортуны
и хмелю обвитый карниз,
и стены. Прекрасный и юный,
пред нею склонился маркиз

в привычно заученной роли,
в волнисто-седом парике,
в лазурно-атласном камзоле,
с малиновой розой в руке.

«Я вас обожаю, кузина!
Извольте цветок сей принять...»
Смеется под звук клавесина
и хочет кухню обнять.

Уже вдоль газонов росистых
туман бледно-белый ползет.
В волнах фиолетово-мглистых
луна золотая плывет.

Март 1903

Москва

Менуэт

Вельможа встречает гостью.
Он рад соседке.
Вертя драгоценною тростью,
стоит у беседки.

На белом атласе сапфиры.
На дочках – кисейные шарфы.

Подули зефиры —
воздушный аккорд
Эоловой арфы.
Любезен, но горд,
готовит изящный сонет
старик.
Глядит в глубь аллеи, приставив лорнет,
надев треуголку на белый парик.

Вот... негры вдали показались —
все в красном – лакеи...
Идет в глубь аллеи
по старому парку.

Под шепот алмазных фонтанов
проходят сквозь арку.

Вельможа идет для встречи.
Он снял треуголку.
Готовит любезные речи.
Шуршит от шелку.

Март 1903

Москва

Прощание

Посвящается Эллису

Красавец Огюст,
на стол уронив табакерку,
задев этажерку,
обнявши подругу за талью, склонился
на бюст.

«Вы – радости, кои
Фортуна несла – далеки!..»

На клумбах левкой.
Над ними кружат мотыльки.

«Прости, мое щастье:
уйдет твой Огюст...»
Взирает на них без участия
холодный и мраморный бюст.
На бюсте сем глянец...

«Ах, щастье верну!..
Коль будет противник, его, как гишпанец,
с отвагою, шпагой проткну...

Ответишь в день оный,

коль, сердце, забудешь меня».

Сверкают попоны
лихого коня.

Вот свистнул по воздуху хлыстик.
Помчался
и вдаль улетел.

И к листику листик
прижался:
то холодный зефир прошумел.

«Ах, где ты, гишпанец мой храбрый?
Ах, где ты, Огюст?»
Забыта лежит табакерка...
Приходят зажечь канделябры...

В огнях этажерка
и мраморный бюст.

Апрель 1903
Москва

Полунощницы

Посвящается А.А. Блоку

На столике зеркало, пудра, флаконы,
что держат в руках купидоны,
белила,
румяна...

Затянута туго корсетом,
в кисейном девица в ладоши забила,
вертясь пред своим туалетом:
«Ушла... И так рано!..
Заснет и уж нас не разгонит...
Ах, котик!...»

И к котику клонит
свой носик и ротик...

Щебечет другая
нежнее картинки:
«Ma chere, дорогая —
сережки, корсажи, ботинки!..
Уедем в Париж мы...
Там спросим о ценах...»

Блистают
им свечи.

Мелькают
на стенах
их фижмы
и букли, и плечи...

«Мы молоды были...
Мы тоже мечтали,
но кости заныли,
прощайте!...» —
старушка графиня сказала им басом...

И все восклицали:
«Нет, вы погадайте...»
И все приседали,
шуршали атласом...
«Ведь вас обучал Калиостро...»

— «Ну, карты давайте...»
Графиня гадает, и голос звучит ее трубный,
очами сверкает так остро:
«Вот трёфы, вот бубны...»
На стенах портреты...
Столпились девицы с ужимками кошки.
Звенят их браслеты,
горят их сережки...

Трясется чепец, и колышутся лопасти кофты.
И голос звучит ее трубный:
«Беги женихов ты...

Любовь тебя свяжет и сетью опутает вервий.
Гасти сантимента сердечного жар ты...
Опять те же карты:
Вот бубны,
вот черви...»

Вопросы... Ответы...
И слушают чутко...
Взирают со стен равнодушно портреты...
Зажегся взор шустрый...
Темно в переходах
и жутко...

И в залах на сводах
погашены люстры...
И в горнице тени трепещут...

И шепчутся: «Тише,
вот папа
услышит, что дочки ладонями плещут,
что возятся ночью, как мыши,
и тешат свой норов...
Вот папа
пришлет к нам лакея «арапа».

Притихли, но поздно:
в дали коридоров
со светом в руках приближаются грозно...
Шатаются мраки...

Арапы идут и – о Боже! —
вот шарканье туфель доносится грубо,
смеются их черные рожи,
алеют их губы,
мелькают пунцовые фраки...

1903

Серебряный Колодезь

Променад

Красотка летит вдоль аллеи
в карете своей золоченой.
Стоят на запятках лакеи
в чулках и в ливрее зеленой.

На кружевах бархатной робы
всё ценные камни сияют.
И знатные очень особы
перед ней треуголку снимают.

Карета запряжена цугом...
У лошади в челке эгретка.
В карете испытанным другом
с ней рядом уселась левретка.

На лошади взмыленно снежной
красавец наездник промчался;
он, ветку акации нежной
сорвав на скаку, улыбался.

Стрельнул в нее взором нескромно...
В час тайно условленной встречи,
напудренно-бледный и томный, —
шепнул ей любовные речи...

В восторге сидит онемелом...
Карета на запад катится...
На фоне небес бледно-белом
светящийся пурпур струится.

Ей грезится жар поцелуя...
Вдали очертаньем неясным
стоит неподвижно статуя,
охвачена заревом красным.

1903

Серебряный Колодезь

Ссора

Посвящается М.И. Балтрушайтису

Заплели косицы змейкой
графа старого две дочки.
Поливая клумбы, лейкой
воду черпают из бочки.

Вот садятся на скамейку,
подобрав жеманно юбки,
на песок поставив лейку
и сложив сердечком губки.

Но лишь скроется в окошке
образ строгий гувернантки, —
возникают перебранки
и друг другу кажут рожки.

Замелькали юбки, ножки,
кудри, сглаженные гребнем...
Утрамбованы дорожки
мелким гравием и щебнем.

Всюду жизнь и трепет вешний,
дух идет от лепесточков,
от голубеньких цветочков,

от белеющей черешни.

И в разгаре перебранки
языки друг другу кажут...
Строгий возглас гувернантки:
«Злые дети, вас накажут!..»

Вечер. Дом, газон, кусточек
тонут в полосах тумана.
«Стонет сизый голубочек», —
льется звонкое сопрано.

И сублильные девицы,
подобрав жеманно юбки,
как нахохленные птицы,
в дом идут, надувши губки.

Апрель 1903

Москва

Заброшенный дом

Заброшенный дом.
Кустарник колючий, но редкий.
Грущу о былом:
«Ах, где вы – любезные предки?»

Из каменных трещин торчат
проросшие мхи, как полипы.
Дуплистые липы
над домом шумят.

И лист за листом,
тоскуя о неге вчерашней,
кружится под тусклым окном
разрушенной башни.

Как стерся изогнутый серп
среди нежно белеющих лилий —
облупленный герб
дворянских фамилий.

Былое, как дым...
И жалко.
Охрипшая галка
глумится над горем моим.

Посмотришь в окно —
часы из фарфора с китайцем.
В углу полотно
с углем нарисованным зайцем.
Старинная мебель в пыли,
да люстры в чехлах, да гардины...
И вдаль отойдешь... А вдали —
равнины, равнины.

Среди многоверстных равнин
скирды золотистого хлеба.
И небо...
Один.

Внимаешь с тоской
обвеянный жизнью давней,
как шепчется ветер с листвою,
как хлопает сорванной ставней.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Сельская картина

М.А. Эртелю

Сквозь зелень воздушность одела
их пологом солнечных пятен.
Старушка несмело
шепнула: «День зноен, приятен...»

Девушка
клубнику варила средь летнего жара.
Их лица
омыло струею душистого пара.

В морщинах у старой змеилась
как будто усмешка...

В жаровне искрилась,
дымя, головешка.

Зефир пролетел тиховойный...
Кудрявенький мальчик
в пикейной
матроске к лазури протягивал пальчик:
«Куда полетела со стен ты,
зеленая мушка?»

Чепца серебристого ленты,
вспотев, распускала старушка.

Чирикнула птица.

В порыве бескрылом
девица
грустила о милом.
Тяжелые косы,
томясь, через плечи она перекинула разом.

Звонящие, желтые осы
кружились над стынувшим тазом.

Девушка за ласточкой вольной
следила завистливым оком,
грустила невольно
о том, что разлучены роком.
Вдруг что-то ей щечку ужалило больно —
она зарыдала,
сорвавши передник...
И щечка распухла.

Варенье убрали на ледник,
жаровня потухла.

Диск солнца пропал над лесною опушкой,
ребенка лучом искрометным целуя.

Ребенок гонялся
за мушкой
среди кашек.
Метался,
танцуя,
над ним столб букашек.

И вот дуновенье
струило прохладу
волною.
Тоскливое пенье
звучало из тихого саду.

С распухшей щекою
бродила мечтательно дева.
Вдали над ложбиной —
печальный, печальный —
туман поднимался к нам призраком длинным.

Из птичьего зева
забил над куртиной
фонтанчик хрустальный,
пронизанный златом рубинным.

Среди розовых шапок левкоя
старушка тонула забытым мечтаньем.
И липы бывшее
почтили вздыханьем.
Шептала

старушка: «Как вечер приятен!»

И вот одевала
заря ее пологом огненных пятен.

1904

Москва

Воспоминание

Посвящается Л.Д. Блок

Задумчивый вид:
Сквозь ветви сирени
сухая известка блестит
запущенных барских строений.

Всё те же стоят у ворот
чугунные тумбы.
И нынешний год
всё так же разбитые клумбы.
На старом балкончике хмель
по ветру качается сонный,
да шмель
жужжит у колонны.

Весна.
На кресле протертом из ситца
старушка глядит из окна.
Ей молодость снится.

Всё помнит себя молодой —
как цветиком ясным, лилейным
гуляла весной
вся в белом, в кисейном.

Он шел позади,
шепча комплименты.
Пылали в груди
ее сантименты.

Садилась, стыдясь,
она вон за те клавикорды.
Ей в очи, смеясь,
глядел он, счастливый и гордый.

Зарей потянуло в окно.
Вздохнула старушка:
«Всё это уж было давно!...»
Стенная кукушка,

хрипя,
кричала.
А время, грустя,
над домом бежало, бежало...

Задумчивый хмель
качался, как сонный,
да бархатный шмель
жужжал у колонны.

1903

Москва

Отставной военный

Вот к дому, катя по аллеям,
с нахмуренным Яшкой —
с лакеем,
подъехал старик, отставной генерал с деревяшкой.

Семейство,
что русский
обычай, вело генерала для винного действия
к закуске.

Претолстый помещик, кутивший сигару,
напаяливший в полдень поддевку,
среди жару
пил с гостем вишневку.

Опять вдохновенный,
рассказывал, в скатерть рассеянно тыча окурок,
военный
про турок:
«Приехали в Яссы...
Приблизились к Турции...»
Вились вокруг террасы
цветы золотые настурции.

Взирая

на девку блондинку,
на хлеб полагая
сардинку,
кричал
генерал:
«И под хохот громовый
проснувшейся пушки
ложились костями батальоны...»

В кленовой
аллее носились унылые стоны
кукушки.

Про душную страду
в полях где-то пели
так звонко.
Мальчишки из саду
сквозь ели,
крича, выгоняли теленка.

«Не тот, так другой
погибал,
умножались
могилы», —
кричал,
от вина огневой...
Наливались
на лбу его синие жилы.

«Нам страх был неведом...

Еще на Кавказе сжигали аул за аулом...»

С коричневым пледом

и стулом

в аллее стоял,

дожидаясь,

надутый лакей его, Яшка.

Спускаясь

с террасы, военный по ветхим ступеням стучал
деревяшкой.

1904

Москва

Незнакомый друг

Посвящается П.Н. Батюшкову

I

Мелькают прохожие, санки...
Идет обыватель из лавки
весь бритый, старинной осанки...
Должно быть, военный в отставке.
Калошей стучит по панели,
мальчишкам мигает со смехом
в своей необъятной шинели,
отделанной выцветшим мехом.

II

Он всюду, где жизнь, – и наемни
Я встретил его у обедни.
По церкви ходил он с тарелкой...
Деньгою позвякивал мелкой...
Все знают: про замысел вражий,

он мастер рассказывать страсти...
Дьячки с ним дружатся – и даже
квартирные Пресненской части.
В мясной ему все без прибавки —
Не то что другим – отпускают...
И с ним о войне рассуждают
хозяева ситцевой лавки...

Приходит, садится у окон
с улыбкой, приветливо ясный...
В огромный фулярово-красный
сморкается громко платок он.
«Китаец дерется с японцем...
В газетах об этом писали...
Ох, что ни творится под солнцем...
Недавно... купца обокрали»...

III

Холодная, зимняя выюга.
Безрадостно-темные дали.
Ищу незнакомого друга,
исполненный вечной печали...

Вот яростно с крыши железной
рукав серебристый взметнулся,

как будто для жалобы слезной
незримый в хаосе проснулся, —
как будто далекие трубы...

Оставленный всеми, как инок,
стоит он средь бледных снежинок,
подняв воротник своей шубы...

IV

Как часто средь белой метели,
детей провожая со смехом,
бродил он в старинной шинели,
отделанной выцветшим мехом...

1903

Москва

Весна

Всё подсохло. И почки уж есть.
Зацветут скоро ландыши, кашки.
Вот плывут облачка, как барашки.
Громче, громче весенняя весть.

Я встревожен назойливым писком:
Подоткнувшись, ворчливая Фекла,
нависая над улицей с риском,
протирает оконные стекла.

Тут известку счищают ножом...
Тут стаканчики с ядом... Тут вата...
Грудь апрельским восторгом объята.
Ветер пылью крутит за окном.

Окна настезь – и крик, разговоры,
и цветочный качается стебель,
и выходят на двор полотеры
босиком выколачивать мебель.

Выполз кот и сидит у корытца,
умывается бархатной лапкой.
Вот мальчишка в рубашке из ситца,
пробежав, запустил в него бабкой.

В небе свет предвечерних огней.
Чувства снова, как прежде, огнисты.
Небеса все синей и синей,
Облачка, как барашки, волнисты.

В синих далях блуждает мой взор.
Все земные стремленья так жалки...
Мужичонка в опорках на двор
с громом ввозит тяжелые балки.

1903

Москва

Из окна

Гляжу из окна я вдоль окон:
здесь – голос мне слышится пылкий
и вижу распущенный локон...
Там вижу в окне я бутылки...

В бутылках натыкана верба.
Торчат ее голые прутья.
На дворике сохнут лоскутья...
И голос болгара иль серба

гортанный протяжно рыдает...
И слышится: «Шум на Марица...»
Сбежались. А сверху девица
с деньгою бумажку бросает.

Утешены очень ребята
прыжками цепной обезьянки.
Из вечно плаксивой Травяты
мучительный скрежет шарманки.

Посмотришь на даль – огороды
мелькнут перед взором рядами,
заводы, заводы, заводы!..
Заводы блестят уж огнями.

Собравшись пред старым забором,
портные расселись в воротах.
Забыв о тяжелых заботах,
орут под гармонику хором.

1903

Свидание

На мотив из Брюсова

Время плетется лениво.
Всё тебя нету да нет.

Час простоял терпеливо.
Или больна ты, мой свет?

День-то весь спину мы гнули,
а к девяти я был здесь...

Иль про меня что шепнули?..
Тоже не пил праздник весь...

Трубы гремят на бульваре.
Пыль золотая летит.

Франтик в истрепанной паре,
знать, на гулянье бежит.

Там престарелый извозчик
парня в участок везет.

Здесь оборванец разносчик
дули и квас продает.

Как я устал, поджидая!..
Злая, опять не пришла...

Тучи бледнеют, сгорая.
Стелется пыльная мгла.

Вечер. Бреду одиноко.
Тускло горят фонари.
Там... над домами... далеко
узкая лента зари.

Сердце сжимается больно.
Конка протяжно звенит.

Там... вдалеке... колокольня
образом темным торчит.

1902

Кошмар среди бела дня

Солнце жжет. Вдоль тротуара
под эскортом пепиньерок
вот идет за парой пара
бледных, хмурых пансионеров.

Цепью вытянулись длинной,
идут медленно и чинно —
в скромных, черненьких ботинках,
в снежно-белых пелеринках...

Шляпки круглые, простые,
заплетенные косицы —
точно все не молодые,
точно старые девицы.

Глазки вылупили глупо,
спины вытянули прямо.
Взглядом мертвым, как у трупа,
смотрит классная их дама.

«Mademoiselle Nadine, tenez vous
Droit»...¹ И хмурит брови строже.
Внемлет скучному напеву

---

¹ Мадемуазель Надин, держитесь прямо (фр.).

обернувшийся прохожий...
Покачает головою,
удивленно улыбаясь...
Пансион ползет, змеею
между улиц извиваясь.

1903

Москва

На окраине города

Был праздник: из мглы
неслись крики пьяниц.
Домов огибая углы,
бесшумно скользил оборванец.

Зловещий и черный,
таская короткую лесенку,
забегал фонарщик проворный,
мурлыча веселую песенку.

Багрец золотых вечеров
закрыли фабричные трубы
да пепельно-черных домов
застывшие клубы.

1904

Образы

Великан

1

«Поздно уж, милая, поздно... усни:
это обман...

Может быть, выпадут лучшие дни.

Мы не увидим их... Поздно... усни...
Это – обман».

Ветер холодный призывно шумит,
холодно нам...

Кто-то, огромный, в тумане бежит...

Тихо смеется. Рукою манит.
Кто это там?

Сел за рекою. Седой бородой
нам закивал
и запахнулся в туман голубой.

Ах, это, верно, был призрак ночной...
Вот он пропал.

Сонные волны бегут на реке.
Месяц встает.
Ветер холодный шумит в тростнике.

Кто-то, бездомный, поет вдалеке,
сонный поет.
«Всё это бредни... Мы в поле одни.
Влажный туман
нас, как младенцев, укроет в тени...

Поздно уж, милая, поздно. Усни.
Это – обман...»

Март 1901
Москва

2

Сергею Михайловичу Соловьеву
Бедные дети устали:
сладко заснули.
Сонные тополи в дали
горько вздохнули,

мучимы вечным обманом,
скучным и бедным...
Ветер занес их туманом
мертвенно-бледным.

Там великан одинокий,
низко согнувшись,
шествовал к цели далекой,
в плащ запахнувшись.

Как он, блуждая, смеялся
в эти минуты...
Как его плащ развевался,
ветром надутый.

Тополи горько вздохнули...
Абрис могучий,
вдруг набежав, затянули
бледные тучи.

3

Средь туманного дня,
созерцая минувшие грезы,
близ речного ручья

великан отдыхал у березы.

Над печальной страной
протянулись ненастные тучи.
Бесприютной главой
он прижался к березе плакучей.

Горевал исполин.
На челе были складки кручины.
Он кричал, что один,
что он стар, что немые годы

надоели ему...
Лишь слышат громовые речи, —
точно встретив чуму,
все бегут и дрожат после встречи.

Он — почтенный старик,
а еще не видал теплой ласки.
Ах, он только велик...
Ах, он видит туманные сказки.

Облака разнесли
этот жалобный крик великана.
Говорили вдали:
«Это ветер шумит средь тумана».

Проходили века.
Разражались ненастные грозы.

На щеках старика
заблестали алмазные слезы.

4

Потянуло грозой.
Горизонт затянулся.
И над знойной страной
его плащ растянулся.

Полетели, клубясь,
грозно вздутые скалы.
Замелькал нам, искрясь,
из-за тучи платок его алый.

Вот плеснул из ведра,
грозно ухнув на нас для потехи:
«Затопить вас пора...
А ужo всем влетит на орехи!»

Вот нога его грузным столбом
где-то близко от нас опустилась,
и потом
вновь лазурь просветилась.

«До свиданья! – кричал. —

Мы увидимся летними днями...»
В глубину побежал,
нам махнув своей шляпой с полями.

5

В час зари на небосклоне,
скрывши лик хитоном белым,
он стоит в своей короне
замком грозно-онемелым.

Солнце сядет. Всё притихнет.
Он пойдет на нас сердито.
Ветром дунет, гневом вспыхнет,
сетью проволок повитый

изумрудно-золотистых,
фиолетово-пурпурных.
И верхи дубов ветвистых
зашумят в движениях бурных.

Не успев нас сжечь огнями,
оглушить громовым ревом,
разорвется облаками
в небе темно-бирюзовом.

Не страшно

Боль сердечных ран,
и тоска растет.
На полях – туман.
Скоро ночь сойдет.

Ты уйдешь, а я
буду вновь один...

И пройдет, грозя,
меж лесных вершин
великан седой:
закачает лес,
склон ночных небес
затенит бедой.

Страшен мрак ночной,
коли нет огня...

Посиди со мной,
не оставь меня!..

Буйный ветер спит.
Ночь летит на нас...

Сквозь туман горит

пара красных глаз —

страшен мрак ночной,
коли нет огня...

Посиди со мной,
не оставь меня!

Мне не страшно, нет...
Ты как сон... как луч...
Брызжет ровный свет
из далеких туч...

Надо спать... Все спит...
Я во сне...
...Вон там
великан стоит
и кивает нам.

Май 1900

Москва

Поединок

Посвящается Эллису

1

Из дали грозной Тор воинственный
грохочет в тучах.
Пронес огонь – огонь таинственный
на сизых кручах.

Согбенный викинг встал над скатами,
над темным бором,
горел сияющими латами
и спорил с Тором.

Бродил по облачному городу,
трубил тревогу.
Вцепился в огненную бороду
он Тору-богу.

И ухнул Тор громовым молотом,
по латам медным,
обсыпав шлем пернатый золотом
воздушно-бледным:

«Швырну расплавленные гири я
с туманных башен...»
Вот мчится в пламени валькирия.
Ей бой не страшен.

На бедрах острый меч нащупала.
С протяжным криком
помчалась с облачного купола,
сияя ликом.

2

Ослепший викинг встал над скалами,
спаленный богом.
Трубит печально над провалами
загнутым рогом.

Сердитый Тор за белым глетчером
укрылся в туче.
Леса пылают ясным вечером
на дальней круче.

Извивы лапчатого пламени,
танцуя, блещут:
так клочья палевого знамени

в лазури плещут.

Октябрь 1903

Москва

Битва

В лазури проходит толпа исполинов на битву.
Ужасен их облик, всклокоченный, каменно-белый.

Сурово поют исполины седые молитву.
Бросают по воздуху красно-пурпурные стрелы.

Порою товарищ, всплеснув мировыми руками,
бессильно шатается, дружеских ищет объятий:
порою, закрывшись от стрел дымовыми плащами,
над телом склоняются медленно гибнущих братьев!..

Дрожала в испуге земля от тяжелых ударов.
Метались в лазури бород снегоблещущих клоки
– и нет их... пронизанный тканью червонных пожаров,
плывет многобашенный город, туманно-далекий.

Июль 1903

Серебряный Колодезь

Пригвожденный ужас

Давно я здесь в лесу – искатель счастья.
В душе моей столетние печали.
Я весь исполнен ужасом ненастья.
На холм взошел, чтоб лучше видеть дали.

Глядит с руин в пурпурном карлик вещей
с худым лицом, обросшим белым мохом.
Торчит изломом горб его зловещий.
Сложив уста, он ветру вторит вздохом.

Так горестно, так жалобно зовет.
«Усни, мечтатель жалкий, – поздно, поздно»
Вампир пищит, как ласточка, шныряет
вокруг него безжизненно и грозно.

Ревут вершины в ликование бурном.
Погасли в тучах горные пожары.
Горбун торчит во мгле пятном пурпурным.
На горб к нему уселся филин старый...

Молился я... И сердце билось, билось.
С вампирным карлом бой казался труден...
Был час четвертый. Небо просветилось.
И горизонт стал бледно-изумруден.

Я заклинал, и верил я заклатью.
Молил творца о счастье безбурном.
Увидел вдруг – к высокому распятью
был пригвожден седой вампир в пурпурном.

Я возопил восторженно и страстно:
«Заря, заря!.. Вновь ужас обессилен!»
И мне внимал распятый безучастно.
Вцепившись в крест, заплакал старый филин.

1903

На горах

Горы в брачных венцах
Я в восторге и молод.
У меня на горах
очистительный холод.

Вот ко мне на утес
притащился горбун седовласый.
Мне в подарок принес
из подземных теплиц ананасы.

Он в малиново-ярком плясал,
прославляя лазурь.
Бородою взметал
вихрь метельно-серебряных бурь.

Голосил
низким басом.
В небеса запустил
ананасом.

И, дугу описав,
озаряя окрестность,
ананас ниспадал, просияв,
в неизвестность,

золотую росу
излучая столбами червонца.
Говорили внизу
«Это – диск пламезарного солнца...»

Низвергались, звеня,
омывали утесы
золотые фонтаны огня —
хрусталя
заалевшего росы.

Я в бокалы вина нацедил
и, подкравшись боком,
горбуна окатил
светопенным потоком.

1903

Москва

Вечность

Шумит, шумит знакомым перезвоном
далекий зов, из Вечности возникший.
Безмирноблестная, увитая хитоном
воздушночерным, с головой поникшей
и с урной на плечах, глухим порывом
она скользит бесстрашно над обрывом.

Поток вспененный мчится
серебряной каймой.
И ей все то же снится
над бездной роковой.
Провалы, кручи, гроты
недвижимы, как сон.
Суровые пролеты
тоскующих времен.

Все ближе голос Вечности сердитой...
Оцепенев, с улыбкою безбурной,
с душой больной над жизнью разбитой —
над старой, опрокинутою урной —
она стоит у пропасти туманной
виденьем черным, сказкою обманной.

Маг

В.Я. Брюсову

Я в свите временных потоков,
мой черный плащ мятежно рвущих.
Зову людей, ищу пророков,
о тайне неба вопиющих.
Иду вперед я быстрым шагом.
И вот – утес, и вы стоите
в венце из звезд упорным магом,
с улыбкой вещью глядите.

У ног веков нестройный рокот,
катясь, бунтует в вечном сне.
И голос ваш – орлиный клекот —
растет в холодной вышине.

В венце огня над царством скуки,
над временем вознесены —
застывший маг, сложивший руки,
пророк безвременной весны.

1903

Кентавр

Посвящается В.В. Владимирову

Был страшен и холоден сумрак ночной,
когда тебя встретил я, брат дорогой.
В отчаянье грозном я розы срывал
и в чаще сосновой призывно кричал:
«О где ты, кентавр, мой исчезнувший брат —
с тобой, лишь с тобою я встретиться рад!..
Напрасен призыв одичалой души:
Ведь ты не придешь из сосновой глуши».

И тени сгустились... И тени прошли...
Блеснуло кровавое пламя вдали...
Со светочем кто-то на слезы бежал,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.